

Обуздать аппетит потребления

В поисках новой цивилизационной парадигмы развития

Нынешний глобальный кризис требует новых оснований, принципов и ценностей, антагонистичных агрессивно-экспансионистской предпринимательской экономике, нацеленной на получение максимальной прибыли и расширенное потребление, но способствующей выживанию и дальнейшему динамическому социокультурному развитию общества.

Инна ЛИСОВСКАЯ,
преподаватель

Культ потребительства и погоня за удовольствиями становятся реальными угрозами моральной деформации и для белорусского общества. Обеспокоенность этим фактом выразил Президент Беларуси Александр Лукашенко на встрече с участниками IV Европейского православно-католического форума «Религия и культурное многообразие: вызовы христианским церквям в Европе». Глава государства отметил, что Беларуси, как и любой другой европейской стране, необходимо укрепление нравственности и высокой духовности [1].

Потребление всегда являлось неотъемлемой частью жизнедеятельности человека. Однако в 1950–1960-е годы, вследствие развития капитализма, сопровождаемого бурным экономическим и техническим подъемом, расширенной системой кредитования в США, потребление стало выходить за рамки экономической сферы. Интенсивное массовое производство одинаковых това-

ров привело к символизации потребления, что повлекло соответствующие изменения в ценностной структуре общества. Потребление утверждалось в качестве высшей социальной ценности и главного фактора экономического развития. Была выработана идеология консюмеризма (от лат. *consumo* – потреблять, тратить; уничтожать, вести к исчезновению), культивирующая рост потребностей, потребительские практики и получение наслаждения. В СССР зарождению консюмеризма препятствовала идеология, которая выработала концепцию «советского вкуса», призывающую к простоте, целесообразности и чувству меры в повседневной жизни.

В 1970–1980-е годы в западном обществе посредством СМИ и массовой культуры целенаправленно формировались культура потребления и потребительский стиль жизни. В результате человек оказался вовлеченным в замкнутый круг потребительского приобретения с целью продемонстрировать свой социальный статус. В Советском Союзе в этот период все больше людей стремились имитировать западный стиль жизни и манеры потребления. Потребительским идеалом, престижным символом высокого статуса и богатства являлись дача, машина. Хотя в официальном дискурсе функционировала идея «развеществления», которая высмеивала «мещанство», «вещизм» и «потребленчество».

С середины 1980-х годов потребительство, в силу развернувшегося процесса

ОБ АВТОРЕ

ЛИСОВСКАЯ Инна Викторовна.

Родилась в д. Конюхи Берестовицкого района Гродненской области.

Окончила Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (2004), аспирантуру с присвоением квалификации «Исследователь в области философских наук» (2013).

С 2004 года – преподаватель английского языка в ГрГУ имени Янки Купалы.

Автор 15 научных работ, в том числе одной монографии, двух учебных пособий (в соавторстве).

Сфера научных интересов: межкультурная коммуникация, социальная философия, духовные процессы современного общества.

глобализации, получило международное распространение. В 1990-е годы потребительская идеология форсированно проникает в постсоветское общество: происходят те же ценностные сдвиги, что и на Западе. Государственная идеология перестала ориентироваться на трансцендентальные ценности, требующие от человека этики самоограничения, трудовой аскезы, жертвенности и подвига. Потребление стало носить откровенно эстетизированный характер и определяться количеством, а не качеством. Товарный и денежный фетишизмы выступают в роли способов самореализации современного человека, а потребительство – как доминирующая социокультурная установка современной жизни, превратившая человека в «потребительскую машину».

Консюмеризм как идеология и общепринятая практика современности, мотивируя человека потреблять как можно больше вещественных благ, пренебрегая всякими разумными пределами, формирует новый социально-психологический тип личности – человека потребляющего, или *homo consumens*. Человек с потребительской структурой личности начал преобладать в западных странах в XX веке, а в России в последние 20 лет, являясь логическим следствием развития капиталистического способа производства, формирования общества потребления и идеологии консюмеризма.

«Чувственно-эмоциональные удовольствия, потребление и телесный комфорт»

становятся определенной смысло-жизненной стратегией человека-потребителя, определяющей его мировоззренческие приоритеты и формирующей его идентичность [2, с. 67]. Потребляемые товары и услуги репрезентируются как символы социального статуса, они становятся эквивалентами успешности и удовлетворенности жизнью. Однако «товарный фетишизм» способствует не индивидуализации, а наоборот, унификации и стандартизации потребителей.

Современная техногенно-потребительская цивилизация, помимо потребительства, постулирует также технократизм как глобальную характеристику мышления современного человека. Технократизм пропагандирует такие ценности, как «прогресс», «обладание», «объективность», «заменяемость», «управляемость», «всерешаемость», «прагматизм» (соотношение цена/качество) и «безответственность» [3]. Он многократно усиливает у потребителей мышление, ориентированное на жесткий схематизм, механистичность, линейность и стандартизацию. Как следствие, способ взаимодействия с природой, базирующийся на механических принципах, заложенных в технике, диктует человеку определенный способ поведения и мышления. В результате установления рациональных отношений с природой, не принимая во внимание морально-этические, нравственные, эстетические формы и способы познания, освоения и преобразования природы и со-

циальной реальности, человек формирует-ся как личность технократического типа – homo mechanicus.

Техногенная цивилизация, давшая человечеству новое качество жизни, обеспечившая возрастающий уровень потребления, медицинского обслуживания, увеличившая среднюю продолжительность жизни, абсолютно исчерпала себя к концу XX века. Основанная на безграничном потребительстве, вере в научно-технический прогресс и технологии, силовом преобразовании природы, техногенная цивилизация привела в итоге все человечество на грань глобально-го цивилизационного кризиса.

Глобальные цивилизационные сдвиги, которые сейчас происходят (финансово-экономический кризис; государственно-политический кризис; демографический кризис; экологический кризис; социокультурный кризис), ставят под сомнение не только само существование человека, но и правомерность следования человечества данной агрессивно-экспансионистской парадигме развития.

Кризис техногенной цивилизации, как нам представляется, заключается в исчерпании возможностей увеличивать потребление, не наращивая созидания. Это – кризис веры в то, что потребительская пирамида может раскручиваться дальше. И потому глобальные проблемы современности не чисто экономические, политические или научные, а, прежде всего, духовно-нравственные. Духовно-нравственные коллизии современности есть результат широко распространенной идеологии потребления, которая побуждает людей к бесконечной погоне за новыми вещами. Накопление богатства перестало вести к решению основных проблем, стоящих перед человечеством, что свидетельствует об исчерпании традиционного механизма развития человечества и необходимости смены его парадигмы.

Выход из этой ситуации ряд мыслителей видит в самоограничении производства и потребления, преодолении технократической односторонности, в пересмотре идеалов, ориентированных на силовое преобразование окружающего мира, переориентации людей на духовные ценности. Речь идет о поиске новой программы цивилизационного развития. К настоящему времени в зарубежной и российской науке вы-

двинуто немало оригинальных концепций общественного устройства, претендующих на роль «организационной матрицы» новой цивилизационной парадигмы. Наиболее конструктивными, в плане их возможной реализации, на наш взгляд, являются:

1) теории постиндустриализма и «устойчивого развития»;

2) теории о построении эколого-гуманистического, или духовно-экологического общества.

Экономико-социополитические теории «постиндустриального общества» получили широкую популярность в 1970-х годах. Зарубежные авторы (Р. Арон, Дж. Гэлбрейт, Д. Белл, Д. Рисман, Г. Кан, З. Бжезинский, Э. Тоффлер, А. Турен, М. Кастельс, У. Дж. Мартин) считают это общество высшей стадией эволюции современной западной цивилизации и определяющей социальной формы XXI века.

Суть «постиндустриального общества» сторонники этой теории усматривали в переходе от рыночных принципов к пост-экономическим ценностям и активному социальному регулированию, в переходе от производства вещей к производству услуг; в радикальном изменении прежних методов и форм труда, в максимальном использовании творческого потенциала работников, в формировании нового типа семьи и новых форм социального партнерства, в повышении роли научного знания, в превращении профессионалов и центров их «производства» в ключевые параметры развития и т. д.

Постиндустриальное общество, по задумке его основателей, должно было символизировать начало нового (третьего по отношению к традиционному и техногенному) типа цивилизационного развития, связанного не только с технологической революцией, но и с духовной реформацией, критикой и пересмотром ряда прежних базисных ценностей техногенной культуры (ее отношения к природе, культуру силы как основы преобразующей деятельности, идеалов потребительского общества, основанного на росте вещно-энергетического потребления, и др.).

Однако сегодня оно рассматривается как простое продолжение, особая стадия техногенного развития на основе более рафинированных технологий. Постиндустриальное общество в его западной модели,

таким образом, обернулось системой глобальных угроз (материально-технических, социально-экономических, духовных), а также перераспределением мировых ролей: высокоразвитые страны освобождаются от индустриальной функции – перерабатывающей промышленности – и становятся центром мировой финансовой игры и перераспределения ресурсов. Индустриальные функции передаются определенному количеству стран второго мира, способных обеспечить успешное функционирование перерабатывающей промышленности. Оставшие же страны выполняют функции поставщиков сырья и дешевой рабочей силы.

В своем нынешнем, буржуазно-либеральном, варианте концепция постиндустриализма не представляет никакой реальной альтернативы экологически разрушительному индустриализму, инструментально-потребительскому отношению к миру, поскольку она не ставит проблему изменения базисных ценностей капиталистической системы. Речь идет только о тех переменах, которые вносят новые технологии в образ жизни, социальные коммуникации, отношения между государствами. В русле такого подхода возникла интерпретация устойчивого развития как пролонгации сегодняшнего технологического прогресса с некоторыми природозащитными ограничениями.

Концепция устойчивого развития (sustainable development) формировалась в 1970-е годы в ходе постепенного осознания обществом природоохранных, экономических и социальных проблем, оказывающих влияние на состояние природной среды. Это конструктивная реакция общества на наблюдаемые и активно освещаемые в научных публикациях (труды В.И. Вернадского, Д. Медоуза, А. Печчеи, Н.Н. Моисеева, О.Л. Кузнецова, А.Д. Урсула и др.) и средствах массовой информации процессы деградации природы под усиленным антропогенным давлением.

На международном уровне концепция устойчивого развития рассматривается как рациональная альтернатива современным концепциям социально-экономического развития общества, не находящая воплощения в реальной жизни в силу объективных причин. Концепция ставит своей целью построить постиндустриальное (информаци-

онное) общество на всей территории планеты, при этом сохранить ресурсы и среду, чтобы обеспечить возможность прогрессивного развития будущим поколениям. В понятие устойчивого развития вкладывается смысл гармоничного, «поддерживаемого», жизнеспособного развития общества и природы, при котором природная среда не разрушается, а сохраняется или улучшается. Объективно получается так, что мировое сообщество выбирает долгосрочные цели выживания, формирует общую концепцию устойчивого развития, а затем дает возможность государствам, преследующим материальные и финансовые интересы, формировать различные в своих целях стратегии устойчивого развития. Из-за отсутствия механизмов согласования интересов участников уже сегодня наблюдается несогласованность действий по реализации рекомендаций концепции.

Проблема перехода к устойчивому развитию заключается также и в игнорировании того факта, что одной из важнейших причин современных цивилизационных противостояний являются процессы модернизации, приведшие к созданию и распространению экономических, политических и социальных стандартов, которые и вызвали глобальный экологический кризис. Более того, сформировалась опасная иллюзия, будто можно с помощью набора технико-экономических и политико-правовых решений преодолеть глобальную цивилизационную катастрофу. Важно учесть, что в условиях рыночной экономики основная часть решений об инвестициях, а следовательно, и о развитии, принимается частным сектором преимущественно на основе критерия экономической эффективности, а не социальной справедливости или экологической безопасности.

Таким образом, мы ставим под сомнение, что теории постиндустриализма и устойчивого развития могут выступать в качестве альтернативы будущего мироустройства. Это связано: во-первых, с игнорированием ими необходимости выработки новой системы ценностей, отличных от техногенных; во-вторых, с верой в неограниченные возможности технологического прогресса и политико-правовых организаций в решении глобальных проблем; в-третьих, с отсутствием согласования ин-

тересов участников по реализации основных положений концепций; в-четвертых, с существующим сегодня различием в социально-экономическом развитии и уровне жизни населения развитых, развивающихся стран и стран с переходной экономикой.

Нам представляется, что оптимальная альтернатива новому цивилизационному развитию – концепции, апеллирующие к возрождению традиционных общечеловеческих ценностей в качестве смыслозначимых. На позициях построения эколого-гуманистической цивилизации, ориентированной на смену ценностной системы техногенного общества и утверждение нового гуманизма, согласующегося с экологическим императивом, стоят многие российские исследователи.

Так, В.С. Степин, Л.Ф. Кузнецова пишут о необходимости гуманизации научно-технического развития, о придании ему человеческого измерения. Исследователи убеждены, что поиск путей решения глобальных проблем связан не с отказом от науки и ее технологических применений, а с изменением типа научной рациональности и появлением новых функций и форм взаимодействия науки с другими сферами культуры [4]. Этой же позиции придерживаются Ю.В. Яковец [5] и В.И. Толстых [6], призывающие к необходимости нового гуманистического идеала. Традиционный гуманизм, признающий свободы и самоценность человеческой индивидуальности, должен смениться гуманизмом, постулирующим укорененность человека в природном бытии и их равноправно-партнерские отношения.

Эколого-гуманистическая цивилизация – это общество с новой системой ценностных приоритетов. В отличие от потребительского (техногенного) общества, где господствует культ техники и материальных благ, здесь, как полагают В.В. Мантатов и Л.В. Мантатова, высшими ценностями и приоритетами будут признаны Человек и Природа. Авторы не сомневаются, что лишь благодаря «духовной энергии», изначально заложенной в человеческой культуре, человечество способно противостоять натиску социоинформационных и технических сил [7].

Американский социолог А. Этциони инициирует переориентацию усилий человечества с инструментальной деятельности,

направленной на удовлетворение растущих потребностей, с принципа экономизма и техноутилитаризма на деятельность, связанную с сохранением пригодной для обитания окружающей среды и формирования духовно-нравственного человека, преследующего коммуитаристские и трансцендентальные цели. Под коммуитаризмом он понимает служение общему благу, оказание социальных услуг, участие в добровольных организациях или публичной жизни. Под трансцендентальными – стремления духовные, религиозные, творческие или артистические [8].

О принципиальной важности возрождения и утверждения базовых духовно-нравственных ценностей как фундамента будущей модели мирового развития говорят также основоположники концепции духовно-экологической цивилизации – А.В. Иванов, И.В. Фотиева, М.Ю. Шишин [9]. Авторы заявляют, что научно-технический прогресс, производство материальных товаров и услуг должны быть не целью, а всего лишь средством гармонизации отношений между обществом и природой, подспорьем для утверждения высших идеалов человеческого существования: бесконечного познания, всестороннего творческого развития и нравственного совершенствования. Экономика и техника должны служить духовной культуре, способной «наложить узду на ненасытные экономические аппетиты и технократические злоупотребления» [9].

В современной белорусской философской мысли эти идеи поддерживаются и успешно развиваются. В частности, А.И. Зеленков [10] и Е.М. Бабосов [11] усматривают суть духовно-экологической цивилизации в том, что в производственно-технической сфере перейти к биоцентричному производству, безотходным и природовосстановительным технологиям, а в перспективе – и к органичному включению техносферы в космобиосферные энергетические потоки, зависимости и ритмы.

Профессор Ч.С. Кирвель отмечает важность преодоления аксиологической и антропологической катастроф современности, поскольку последние отвечают за образ человека, сознание которого может оказывать не только опосредованное, но и непосредственное физическое воздействие на окружающие природные процессы, при-

чем такое воздействие может быть как позитивным, так и негативным в зависимости от его содержания. Ученый полагает, что результативной в данном отношении может оказаться восточная космоцентрическая культура, господствовавшая повсеместно в течение ряда тысячелетий, но при этом существенно не нарушающая природного равновесия [12; 13]. Особый интерес у исследователя вызывает крестьянская космобиосфероцентрическая культура, пропагандирующая природоуважительные ценности и формирующая постматериалистический тип личности, называемый «очарованным странником» (Н. Лесков) или «пахарем» (Ч.С. Кирвель), от выживания которого – не только в физическом, но и в культурном смысле – зависит выживание человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукашенко: культ потребительства и погоня за удовольствиями становятся реальными угрозами моральной деформации общества [Электронный ресурс] // БЕЛТА. – Режим доступа: <http://www.belta.by/president/view/lukashenko-kult-potrebitelstva-i-pogonja-za-udovolstviami-stanovjatsja-realnymi-ugrozami-moralnoj-defor-46403-2014>. – Дата доступа: 03.06.2014.
2. Кирвель, Ч.С. Глобализирующийся человек: от «удобства управления» к антропологическому мегакризису / Ч.С. Кирвель // Проблемы управления. – 2009. – № 4. – С. 65–79.
3. Миронов, А.В. Ценности технократизма / А.В. Миронов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия философия. – 2009. – № 2. – С. 5–12.
4. Степин, В.С. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации / В.С. Степин, Л.Ф. Кузнецова. – М., 1994. – 274 с.
5. Яковец, Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций / Ю.В. Яковец. – М.: Экономика, 2001. – 346 с.
6. Толстых, В.И. Глобализация в социокультурном измерении / В.И. Толстых // Проблемы глобализации: Материалы междунар. исслед. проекта / отв. ред. А.Б. Вебер. Труды Фонда Горбачева. – Т. 7. – М.: Горбачев-Фонд, 2001. – 472 с.
7. Мантатов, В.В. Ценностные основания грядущей цивилизации: устойчивое развитие и экологическая этика / В.В. Мантатов, Л.В. Мантатова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.globalistika.ru/congress2008/Doklady/12910.htm>. – Дата доступа: 14.11.2012.
8. Этциони, А. Что придет на смену консюмеризму? / А. Этциони // Свободная мысль. – 2009. – № 8. – С. 53–62.
9. Иванов, А.В. Время великого размежевания: от техногенно-потребительской – к духовно-экологической цивилизации / А.В. Иванов, И.В. Фотиева, М.Ю. Шишин // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 1999. – № 6 – С. 3–23.
10. Зеленков, А.И. Феномен глобальной нестабильности и проблемы социокультурного развития современной Беларуси / А.И. Зеленков // Пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления: материалы II Междунар. науч. конгресса «Глобалистика-2011», Москва, 18–22 мая 2011 г. / Под общ. ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина: В 2 т. – Т. 2. – М.: МАКС Пресс, 2011. – С. 55–56.
11. Бабосов, Е.М. Современный социум: характер и направленность развития / Е.М. Бабосов, Ч.С. Кирвель, О.А. Романов. – Минск: Четыре четверти, 2013. – 728 с.
12. Кирвель, Ч.С. Драма противостояния / Ч.С. Кирвель // Беларуская думка. – 2011. – № 2. – С. 76–85.
13. Кирвель, Ч.С. Драма противостояния / Ч.С. Кирвель // Беларуская думка. – 2011. – № 3. – С. 111–118.
14. Романов, О.А. От чистого истока – в прекрасное далеко / О.А. Романов // Беларуская думка. – 2013. – № 12. – С. 93–100.

На приоритетность и перспективность восточнославянской культуры в деле преодоления техноцентризма и потребительства указывает также О.А. Романов. «Натурфилософский органицизм» восточнославянской культуры обуславливает формирование личностей с постматериалистической структурой потребностей, взывающих смысла, воодушевленных идеей духовного преобразования мира [14].

Таким образом, осознавая необходимость поиска альтернативы современной цивилизационной парадигмы развития, мы можем заключить, что теории постиндустриализма и «устойчивого развития» едва ли могут оказаться конструктивными. Являясь по сути социально-экономическими, они предполагают решение ныне существующих глобальных проблем путем совершенствования социальной, экономической и политической сфер с некоторыми природозащитными ограничениями, не уделяя должного внимания необходимости духовной реформации, пересмотра базисных ценностей техногенной цивилизации. Нерешенными остаются вопросы цивилизационного развития, проблемы гуманизма, имеющие первостепенное значение при построении гармоничного мирового порядка.

В то же время эколого-гуманистическая и духовно-экологическая концепции наиболее полно отражают специфику нынешнего общесистемного кризиса и предлагают модели будущего мироустройства с учетом важности экологического и нравственного императивов. Построение «гуманного и процветающего общества», отмечают авторы этих концепций, возможно только в случае распространения постконсьюмеристских ценностей и активации коммунитаристских и трансцендентальных источников человеческого процветания. Они инициируют переориентацию усилий человечества с консюмеризма на самосовершенствование, с принципа экономизма и техноутилитаризма на деятельность, связанную с сохранением пригодной для обитания окружающей среды и формированием духовно-нравственного человека. Указывается на необходимость выработать новую парадигму прогресса, основанную на самоограничении, и производства, основанного на принципе биоцентризма. ▀